

придворных льстецов, добивающихся власти и славы любыми способами.

Крылова должны были заинтересовать и сатирические типы, изображенные в произведении, опубликованном в третьей части «Утренних часов» и озаглавленном «Привычка и природа».²⁸ Эта статья, так же как и «Богатство и слава» Геллерта, представляет собой перевод из антологии Гюбера — перевод стихотворения Иоганна Фридриха Кронегка «Gewohnheit und Natur».²⁹ Таким образом, список известных нам переводов Рахманинова можно пополнить еще одним названием. Как и в других случаях, переводчик последовательно изменял имена персонажей на русский лад. «Haragon, ce fils chéri de l'Auvergne» фигурирует как «Скряга, дражайший сынок Скупягин». Crispin, который в детстве всех обижал, а потом стал «всесветным порицателем и ругателем», получает имя Злорада; Néran, который всегда увлекался только собаками, назван Псолюбом, страстный игрок Gargile — Промотом; Mops, который никого — не любит, кроме своей лошади, — Безрассудом, и т. д. Для русских читателей того времени эти абстрактные образы, воплощавшие некое отвлеченное представление о пороке вообще, оживали под новыми именами, приобретали более конкретное содержание.

В русской литературе уже существовали свои традиции сатиры: достаточно вспомнить Кантемира, Новикова, Фонвизина — писателей, которые по праву считаются непосредственными предшественниками Крылова-публициста. Однако забывать о роли переводной литературы, составлявшей по существу часть нашей отечественной культуры, было бы несправедливо и неправильно. Более глубокая и всесторонняя оценка переводческой деятельности Рахманинова поможет еще многое понять и разъяснить в творчестве Крылова, Карамзина и других русских писателей XVIII в.

²⁸ Там же, ч. 3, с. 49—59.

²⁹ В антологии Гюбера: «L'Habitude et la Nature» (t. 4, p. 135—142).